

Анастасия Наумова

ПОД ФОНАРЕМ

твоего дома

18+

Анастасия Наумова

Под фонарем твоего дома

<https://litres.ru/74063496>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда одно лето способно вместить в себя целую жизнь. Для Ани эти три месяца стали именно такими. Это история о первой любви — искренней, немного наивной и невероятно волнующей. Это время первых поцелуев, от которых кружится голова, и долгих прогулок до рассвета. Лето подарило ей невероятные моменты, наполненные теплотой. Приготовьтесь пережить вместе с героиней самую трогательную историю о том, каково это — влюбиться впервые.

Анастасия Наумова
Под фонарем твоего дома

Глава 1

Первый день летних каникул встретил Аню теплым, ласковым солнцем. Воздух пах нагретым асфальтом. Так хотелось побыстрее вырваться из этого душного плена каменных стен, сбросить с себя тяжесть учебного года и вдохнуть полной грудью пьянящий запах свободы. Деревенский простор манил обещанием бесконечных дней без будильников и расписаний.

Аня сидела на диване, подтянув колени к подбородку. Наушники плотно прилегли к ушам, отгораживая от реальности. Её любимый трек уносил сознание далеко отсюда: в полумрак актового зала, где пахло духами и немного озоном после грозы. Танец. Медленный, тягучий, полный невысказанных чувств и осторожных объятий. Она помнила каждое мгновение. Его рука, горячая даже сквозь ткань рубашки, уверенно лежала на её талии. Щека Артёма была чуть колючей. Он наклонился так близко, что она видела его пристальный, прожигающий насквозь взгляд его карих глаз. От этого взгляда невозможно было устоять, земля уходила из-под ног. И тот поцелуй... Теплый, нежный...

Кто-то резко тряхнул её за плечо, вырывая из сладкого забытья. Музыка оборвалась резким щелчком.

— Анна! Ты меня вообще слышишь? Что же ты взяла с собой? — голос мамы звучал глухо, словно через толщу во-

ды.

Аня моргнула, возвращаясь в реальность своей комнаты. Мама стояла над распахнутой сумкой, уперев руки в бока, и неодобрительно качала головой. Взгляд скользил по аккуратно сложенным вещам: пара топиков, шорты, та самая мини-юбка, которую Аня считала своим главным летним оружием, и стопка белья.

— Я взяла всё необходимое, — буркнула Аня, пытаясь незаметно задвинуть сумку подальше от маминого строгого взгляда. Не получилось. Рука матери оказалась быстрее.

— Аня, в деревне необходимы тёплые, удобные вещи, а не это, — мама двумя пальцами приподняла злосчастную мини-юбку. — Зачем она тебе вообще? Бегай там в купальнике.

— Ну, ма-а-ам, — простонала Аня, закатывая глаза. — Мне уже не десять лет, серьёзно. Я не собираюсь расхаживать в купальнике по всей деревне. Там же бабушки!

Мама неожиданно усмехнулась, но в этой улыбке сквозила тревога.

— Да знаю я, что ты у меня уже взрослая, — тихо сказала она, и эта фраза прозвучала скорее грустно, чем строго. — Это меня и пугает.

Она лукаво улыбнулась, и, прежде чем Аня успела возмутиться, одним движением вытряхнула всё содержимое сумки прямо на диван.

— Так, посмотрим, — деловито произнесла мама и направилась к шкафу. Она перетряхивала полки, пока не извлек-

ла на свет божий то, что, по её мнению, составляло идеальный гардероб для сельской жизни: растянутый, но невероятно уютный шерстяной свитер, старый спортивный костюм с оттянутыми коленками, пару линялых футболок и джинсы, которые Аня носила ещё классе в седьмом.

— Я думаю, для деревни это в самый раз, — провозгласила мама, победоносно складывая находки поверх Аниных вещей.

— А я думаю, что я никуда не поеду, — отрезала Аня. Внутри закипала обида. Хотелось кричать, что она сама разберётся, что ей плевать на бабушек и их осуждающие взгляды. Она демонстративно нахмурилась, скрестила руки на груди и отвернулась, уткнувшись лицом в диванную подушку.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом перебираемой одежды. Аня чувствовала, как злость медленно уступает место детской обиде. Ей казалось, что мама специально хочет испортить ей каникулы, превратить лето в ссылку.

Тяжело вздохнув, мама села на край кровати рядом с дочерью. Она не стала больше ничего говорить. Просто мягко положила руку на вздрагивающее от негодования плечо и притянула Аню к себе. «Пятнадцать лет, — пронеслось у неё в голове, когда она вдохнула родной запах волос дочери. — Моей малышке пятнадцать лет, а я не даю ей свободы. Держу железной хваткой, боюсь отпустить».

Аня замерла. Обида всё ещё клокотала внутри, но тепло материнских рук было таким привычным, таким успокаивающим. Она повернула голову, глядя на маму исподлобья, с надутыми губками, готовая вот-вот разреветься или рассмеяться. «И всё же она всё ещё ребёнок, — подумала мама, крепче прижимая дочь к себе. — Моя маленькая девочка. Вредная, упрямая, но моя...»

— Анечка, хорошо, — наконец нарушила молчание мама, отстраняясь и заглядывая ей в глаза. Её взгляд был мягким, полным любви. — Давай найдем компромисс и соберем твою сумку вместе. Я уверена, потом ты мне скажешь спасибо, если возьмешь с собой хотя бы этот спортивный костюм. Дождь в июне никто не отменял.

Мамина улыбка обезоруживала. Она была настолько нежной и доброй, что вся броня Ани дала трещину. Девочка тяжело вздохнула, сдаваясь.

— Ладно, уговорила. Но только один свитер!

Компромисс действительно нашли. Мини-юбку, конечно, положили — Аня настояла. Спортивный костюм тоже отправился в недра сумки, хотя и со скрипом. Старые джинсы брать не стали (тут обе были единомышленны), зато взяли два новых купальника. Сумка получилась объёмной, но теперь Аня знала: в ней есть всё для идеального лета.

В открытое окно старенькой машины врвался упругий поток воздуха, пахнувший пылью, полынью и обещанием чего-то невероятного. Вот она — свобода. Не та, что в городе, зажатой между бетонными коробками, а настоящая, бескрайняя, пахнувшая дорожной гарью и влажной землёй. Дорога до деревни неблизкая, почти три часа по трассе, и Аня, включив на телефоне свой плейлист, погрузилась в сладкий, безмятежный сон под мерное гудение мотора.

Её разбудил резкий толчок: машина свернула с асфальта на проселочную колею. Тут же началась тряска, от которой клацали зубы. Но вместо раздражения Аню накрыла волна восторга. Она села ровнее, прижавшись лбом к стеклу. Как же приятно вновь ехать по этим ухабам! Каждый поворот был знаком, каждый куст у обочины хранил воспоминания. Сердце забилося чаще в предвкушении приключений. Впереди замаячили первые покосившиеся крыши, утопающие в зелени садов, и машина плавно остановилась у старой, выкрашенной облупившейся зеленой краской калитки.

Выскочив наружу, Аня сделала глубокий вдох: сладковатый аромат свежескошенной травы смешивался с терпким запахом навоза, горьковатым дымком из соседской трубы и пьянящим, густым духом цветущей сирени. Всё это перемешалось в одну густую, родную гамму запахов детства.

Небольшой деревенский домик стоял, окруженный буйной зеленью сада, а дальше, сколько хватало глаз, простирались зеленые поля и темная кромка живописного леса.

Бабушка уже ждала их у калитки. Милая, добрая бабушка — для Ани она всегда была настоящим ангелом-хранителем, окрыляющим своей заботой. Папа заглушил мотор и устало потянулся.

— Ну что, путешественница? Приехали, — хрипло сказал он. — Я, пожалуй, переведу дух. Говорят, тут молоко парное дают... И хлеб только испекли. Отдохну часок и отправлюсь в обратный путь. А то работа не ждет.

Именно эта удаленность от города, этот долгий путь и делали деревню такой особенной, манящей, отрезанной от суеты большого мира.

На крыльце Аня поставила сумку и оглянулась на улицу. Тишина. Ни души. Либо её друзья ещё не приехали, либо, как обычно, убежали на речку, в тайных закоулках которой два года назад они соорудили себе шалаш. Может, он сохранился и по сей день?

Войдя в дом, Аня снова замерла. Этот запах сухого дерева, теплого, живого, пропитанного солнцем за долгие годы... Она скинула кроссовки и босиком прошла в комнату. Целых два года она мечтала сюда вернуться. В прошлом году родители увезли её на море. Там, конечно, было здорово, но там не было их. Не было друзей.

Бабушка, как всегда, с утра хлопотала по дому, ожидая

внучку и пытаюсь ей угодить. На столе уже исходила паром высокая стопка румяных блинов, рядом стояла плошка густой домашней сметаны, а по кухне разносился божественный аромат сырников. Бабушкины сырники самые вкусные, настолько нежные, что тают во рту.

С деревней Анюту связывали самые разные чувства, но все они были добрые, наполненные нежностью: солнечное тепло, конные прогулки, прохладная вода реки и тот самый, первый поцелуй...

«Интересно, как сильно изменились ребята за прошедшие два года», — мысли лезли в голову круговоротом, не давая покоя.

Допив залпом кружку ледяного молока, Аня выскочила из дома. Солнце припекало июньским теплом, заставляя щуриться. Она брела вдоль заборов, вглядываясь через штaketник в темные окна домов в поисках знакомых лиц. Деревенская дорога впереди делала крутой поворот направо, уходя к конюшне, но Аня взяла левее и спустилась вниз по узкой тропинке к реке.

Пройдя вдоль берега, поросшего высоким камышом, она заметила впереди сооружение из старых досок и переплетенных веток, укрытое сверху брезентом. Их шалаш. Он стал даже больше по сравнению с тем, который она помнила. Видимо, его достраивали и укрепляли.

Изнутри доносились приглушенные голоса и смех.

«Они все там» — Аня сглотнула, внезапно почувство-

вав, как вспотели ладони. Как её встретят? Изменились ли они? Изменилась ли она сама?

Она подошла ближе, обогнув одну из «стен», сплетенную из ивовых прутьев, и отвела в сторону кусок выгоревшей ткани, служащий входом. Её взору предстала вся компания: Наташа, Оля, Витя, Рома, Илья, Олег, Даша и он — Дима!

«Он так вырос!» — первое, что бросилось в глаза Ане. За два года нескладный подросток превратился в широкоплечего парня. Их взгляды встретились всего на долю секунды, но этого хватило, чтобы Анины щеки залились предательским румянцем.

Первой нарушила молчание Оля:

— Анюта! Господи, ты ли это?! Как мы рады тебя видеть!

Она проворно выбралась из-за самодельного стола, заваленного пустыми пластиковыми стаканчиками и остатками печенья, и побежала к Анюте с распростертыми объятиями. Следом загомонили остальные. Все дружно повскакивали со своих мест и ринулись обнимать подругу. Воздух наполнился возгласами, вопросами и смехом.

Олег, местный романтик, не церемонясь, легко приподнял лёгкую Аню над землей и звонко расцеловал в обе щеки.

— Привет, красавица! Два года прошло, а ты стала еще краше! — прогремел он своим басом. Высокий, улыбчивый парень, он всегда относился к девушкам с особой, немного театральной любовью, выставя свои чувства напоказ и беззастенчиво ухлестывая за всеми девочками сразу, но никому

конкретно не отдавая предпочтения.

В общей суматохе приветствий Дима стоял чуть в стороне, прислонившись плечом к опорному столбу шалаша. Он наблюдал за ней с едва заметной улыбкой. Когда волна объятий схлынула, он шагнул ей навстречу. Его движение было выверенным: ни капли той юношеской порывистости, что была два года назад. Сдержанно, но в то же время так по-взрослому нежно, он приобнял её одной рукой за талию, притягивая к себе. Щека у него была прохладная и немного колючая. Поцелуй пришёлся точно в скулу, но губы задержались на коже дольше положенного, скользнув в миллиметре от уголка её рта.

Аню будто ударило током. Этот мимолётный, почти случайный контакт заставил всё внутри сжаться. Напряжение сковало плечи, и она инстинктивно напрягла спину, чтобы не прижаться к нему ближе. Воспоминание обожгло изнутри, смешиваясь с неловкостью настоящего момента. Она сохранила невозмутимое выражение лица, лишь слегка кивнула ему в ответ, высвобождаясь из-под его руки чуть быстрее, чем требовалось.

Два года назад всё было иначе. Тот день был окрашен в цвета прощания — серого неба и мокрой щебенки. Проводя её к машине, которая должна была увезти её обратно в мир учёбы и каменной тоски, Дима вдруг тронул её за локоть.

— Ань, подожди, — его голос звучал глухо. — На секун-

ду. Отойдём?

Он отозвал её в сторону под предлогом разговора, потянув за руку вдоль стены дома, подальше от чужих глаз, от родителей, грузивших сумки в багажник. Они завернули за угол, где густые кусты сирени скрывали их от ненужных взглядов двора. Там, в тени, пахнувшей влажной землей и зеленью, он остановился. Посмотрел на неё сверху вниз — долго, пронзительно, словно пытаюсь запомнить каждую черточку её лица.

Она замерла, не понимая, что происходит, чувствуя, как бешено колотится сердце. И тогда он сделал шаг вперёд. Не говоря больше ни слова, он впился в её губы жадным, требовательным поцелуем. Это не было похоже на киношную романтику. Это было неуклюже и страстно. Он прижал её к шершавой стене дома, его руки запутались в её волосах, а тело казалось горячим и твёрдым. Это был её первый поцелуй. Неопытный, по-детски нелепый, но настолько чувственный и возбуждающий, что земля ушла из-под ног.

Они потеряли счёт времени. Мир сузился до этого тесного пространства за домом, до вкуса его губ и запаха его кожи. Они стояли молча, когда всё закончилось, просто глядя друг на друга влюблёнными, ошалевшими глазами, переваривая и осознавая новые, оглушительные ощущения. Их дыхание смешивалось в прохладном воздухе вечера.

Резкий, нетерпеливый сигнал отцовского клаксона разорвал эту звенящую тишину, вырвав их из пленяющего безу-

мия. Реальность вернулась, Дима вздрогнул, словно просыпаясь от сна. Он медленно отпустил её, провёл большим пальцем по её припухшей нижней губе и тихо выдохнул.

Проводив её обратно к машине, уже на глазах у всех, он не стал ничего говорить. Просто крепко обнял, стиснув так сильно, что у неё перехватило дыхание. Но в этом объятии было всё: обещание помнить, отчаянное нежелание отпустить и безмолвное «ты мне дорога». Он дал ей понять, что это не конец, что она для него любима. И пока машина выезжала со двора, Аня смотрела в заднее стекло, видя, как его фигура становится всё меньше и меньше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.